

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга сложилась из идей, образов и фрагментов моей жизни, которые еще не нашли отражения в романах. Я объединил их в сонное непрерывное повествование. Иногда меня удивляет, что я не сумел вместить в свои романы все мысли, которые, как мне кажется, стоят внимания. Странные моменты жизни, незначительные повседневные эпизоды, которыми мне хочется поделиться с другими, и слова, что, наполняя меня радостью и силой, идут из сердца, не сливались воедино, несмотря на мое огромное желание. Некоторые фрагменты автобиографичны, некоторые я писал в спешке, а некоторые и вовсе позабылись, так как голова у меня была занята другим... Я вернулся к ним почти так же, как возвращаются к старым фотографиям, где запечатлены счастливые мгновения нашей жизни, и мне нравится перечитывать эти записи, хотя я редко перечитываю то, что написал. Больше всего мне нравится, когда эти рассказы выходят за рамки описываемых ситуаций, за рамки газетных и журнальных статей, больше сообщая о моих интересах, переживаниях, о том, что я хотел в то время сказать и что Вирджиния Вулф когда-то определила как «моменты бытия».

Между 1996 и 1999 годом я каждую неделю писал в Стамбуле статьи в полуполитический, полуюмористический журнал «Окюз» («Бык»), которые сам иллюстрировал. Это были короткие, написанные почти с поэтическим воодушевлением, за один присест, очерки, и мне очень нравилось рассказывать в них о моей дочери Рюйе, вновь

открывая для себя мир и воспринимая его посредством слов. С годами я все больше верю, что задача литературы заключается не столько в том, чтобы рассказывать о мире, сколько в том, чтобы «смотреть на мир посредством слов». С того момента, когда писатель начинает пользоваться словами, как художник — красками, он вновь открывает для себя, как удивителен и прекрасен мир, и, преодолевая застенчивости своего языка, обретает собственный голос. Для этого ему нужны бумага и ручка, а еще оптимизм ребенка, который вдруг впервые увидел мир.

Я собрал все эти наброски, чтобы составить совершенно новую книгу на автобиографической основе. Многие рассказы я выкинул, некоторые сократил, извлекая отрывки из дневников и сотен интервью, и разбросал их по книге, радуясь, что я составляю непрерывную историю. Например, три речи, прочитанные мной по случаю вручения трех премий, которые были изданы как на турецком, так и на других языках мира отдельной книжечкой «Чемодан моего отца» (туда входила одноименная нобелевская лекция, речь «В Карсе и Франкфурте», прочитанная на вручении Премии мира Союзом немецких книготорговцев, и речь «Предполагаемый автор», которую я произнес на Ежегодной конференции по мировой литературе Путербо в Университете Оклахомы), в этой книге помещены в разные части, чтобы соответствовать ходу автобиографического повествования.

Данная версия «Других цветов» создана на основе одноименной книги, выпущенной в 1999 году в Стамбуле, но то был сборник статей, а книга, которую вы сейчас держите в руках, трансформировалась в цикл автобиографических очерков, воспоминаний и размышлений. Рассуждения о Стамбуле, о любимых книгах, писателях и картинах всегда служили для меня поводом говорить о жизни. Заметки о Нью-Йорке я написал в 1986 году, когда впервые приехал в этот город, — хотел запечатлеть первые ощущения иностранца и думал о том, как их воспримет турецкий читатель. Завершающий книгу рассказ «Взгляд из окна» настолько автобиографичен, что имя героя могло

вполне быть Орхан. Однако старший брат в этом рассказе, жестокий и деспотичный — как все старшие братья в моих романах, совершенно не похож на моего настоящего старшего брата, Шевкета Памука, известного профессора экономики. Когда я составлял эту книгу, я с тревогой заметил, что у меня прослеживается явная тяга к природным катаклизмам (например, землетрясениям) и катаклизмам социальным (политика), и тогда я исключил несколько мрачных политических статей. Я всегда верил, что во мне сидит страстный и неумолимый графоман — существо, которое постоянно пишет и не может насытиться и для которого слова являются смыслом жизни, — и мне нужно все время что-нибудь писать, чтобы он был доволен. Но когда я занимался этой книгой, я увидел, что графоману во мне будет гораздо приятнее и он будет меньше страдать от своей болезни, если станет работать с редактором, который придаст всему, что он написал, основную идею, форму и смысл. Я хочу, чтобы внимательный читатель отметил мои творческие усилия как редактора и мои старания как писателя.

Я, как и многие, люблю немецкого писателя и философа Вальтера Беньямина. Но чтобы позлить одну приятельницу, которая слишком уж им восхищается (она занимается наукой, естественно), я иногда говорю: «И что в нем такого уж великого, в этом писателе? Он сумел закончить всего несколько книг и прославился не теми книгами, которые дописал, а теми, что никогда не мог завершить». А моя приятельница говорит, что труды Беньямина безграничны, как сама жизнь, и, следовательно, существуют в виде фрагментов, поэтому-то многие исследователи пытаются придать им смысл, как, впрочем, и жизни. А я всякий раз улыбаюсь и отвечаю: «Однажды я тоже напишу книгу, состоящую из фрагментов». Вот эта книга; она обрамлена рамками, что предполагает наличие главенствующей идеи, ядра, которое я попытался скрыть, и я надеюсь, что читателям понравится представлять себе это ядро в жизни реальной.

ЖИЗНЬ И ЗАБОТЫ

Глава 1

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ АВТОР

Я пишу уже тридцать лет. И давно повторяю эти слова. Я так много раз повторял их, что они перестали быть правдой, потому что сейчас уже пошел тридцать первый год моего писательства. И все-таки приятно говорить: я уже тридцать лет пишу романы, хотя это и не совсем верно. Время от времени я пишу что-нибудь другое: очерки, критические статьи, заметки о Стамбуле или о политике, речи... Но моим главным призванием, тем, что привязывает меня к жизни, является написание романов. Многие блестящие писатели пишут гораздо дольше меня, пишут уже более полувека, не привлекая к этому процессу особого внимания... А творческая жизнь таких великих писателей, как Толстой, Достоевский или Томас Манн, которых я с восторгом и любовью перечитываю вновь и вновь, вообще длилась не тридцать лет, а более пятидесяти... Почему же я придаю так много значения тридцати годам моей писательской деятельности? Я делаю это потому, что хочу говорить о процессе написания книги и в особенности о написании романа как о привычке.

Чтобы чувствовать себя счастливым, мне нужно каждый день получать определенную дозу литературы. В этом я похож на больных, которым каждый день нужно принимать по ложке лекарства. В детстве я узнал, что больным сахарным диабетом нужно каждый день делать укол, чтобы вести нормальный образ жизни, и мне было очень жаль их; мне даже казалось, что они наполовину мертвы. И я тоже живу наполовину из-за моей зависимости от ли-

тературы. Раньше, особенно в молодости, я думал, что меня считают оторванным от реальной жизни, а поэтому обреченным на полумертвое состояние. Может быть, правильнее было бы назвать это состояние полупризрачным. Часто мне даже казалось, что я мертв и пытаюсь вдохнуть жизнь в свой труп с помощью литературы. Литература для меня — это лекарство. Лекарство, которое принимают ложками или в виде инъекций, литература, которую мне «необходимо принимать» каждый день — моя «доза», если можно так сказать, — должна обладать определенными свойствами и определенной консистенцией.

Прежде всего, «лекарство» должно быть хорошим. Под качеством я понимаю искренность и силу. Ничто не доставляет мне столько счастья и ничто так крепко не привязывает меня к жизни, как чтение отрывка какого-либо насыщенного, глубокого романа, в мир которого я смог поверить. Я также предпочитаю, чтобы автора уже не было в живых, чтобы ни малейшая тень зависти не омрачала моего восхищения. С возрастом я замечаю, что самые лучшие книги написаны уже умершими писателями. А если они еще живы, то незримо присутствуют среди нас, как призраки. Поэтому, когда мы видим великих писателей на улице, мы волнуемся, словно видим призраков, и, не веря своим глазам, с интересом наблюдаем за ними издалека. Редкие смельчаки осмеливаются подойти к призраку и попросить у него автограф. Иногда я говорю себе, что через какое-то время этот писатель тоже умрет и его книги будут еще сильнее волновать нас. Но конечно же, так бывает не всегда.

Если я пишу, мне ежедневно нужна совершенно иная «доза литературы». Потому что самое лучшее лекарство для тех, кто страдает той же болезнью, что и я, источник самого большого счастья — писать каждый день по полстраницы хорошего текста. Уже тридцать лет я пишу почти каждый день за своим столом, у себя в комнате, не меньше десяти часов. Если посчитать только то из написанного, что оказалось достойным и было опубликовано, за тридцать лет получается в среднем меньше чем пол-

страницы в день. К тому же то, что я написал, слегка недотягивает до уровня, который я считаю «достойным». Вот вам две важные причины, чтобы чувствовать себя несчастным.

Но я хочу, чтобы вы правильно меня понимали: писатель, который так привязан к литературе, как я, не настолько поверхностен, чтобы чувствовать радость от красоты созданных им книг либо гордиться их успехом или количеством. Литература ему нужна не для того, чтобы спасти свою жизнь, а для того, чтобы спастись от тяжелого дня, который он переживает. А дни всегда тяжелые. Жизнь трудна, если вы не пишете. Трудна потому, что вы не можете писать. И еще потому, что вы пишете, ведь писать очень трудно. Главное заключается в том, чтобы суметь обрести надежду среди этих трудностей и прожить день, и, если книга и ее страницы, которые уносят вас в другой мир, удались, радоваться в тот день и чувствовать себя счастливым.

Хочу рассказать, что я чувствую, когда не удастся хорошо поработать или не смог потеряться в какой-нибудь книге. Сначала мир начинает казаться мне неприятным, в чем-то даже отвратительным; те, кто знает меня, сразу это замечают, потому что я становлюсь похожим на этот мир. Например, по тоскливому выражению моего лица вечером дочь сразу понимает, что днем мне не удалось как следует поработать. Я пытаюсь скрыть это от нее, но у меня не получается. В такие черные минуты мне кажется, что нет разницы между жизнью и смертью. Я не хочу ни с кем разговаривать, и те, кто видит меня в таком состоянии, тоже не хотят со мной разговаривать. Вообще-то, я переживаю нечто похожее, но в легкой форме каждый день после полудня, с часа до трех, но я уже знаю, что лучшее лекарство от этого — работа и чтение, и, если я начинаю действовать своевременно, мне удастся спасти положение, прежде чем я полностью превращусь в живой труп. Если я долго не принимал свое лекарство из чернил и бумаги из-за поездок, необходимости заплатить за газ, службы в армии (это было давно), политических событий (это было

недавно) и каких-либо других помех, я чувствую, что каменею от горя. Тело подчиняется мне с трудом, ноги деревенеют, голова становится квадратной, и даже пот, кажется, пахнет как-то по-другому. И эти страдания могут продлиться долго: жизнь полна наказаний, отдаляющих человека от литературы. Я могу принимать участие в многолюдном политическом собрании; болтать с друзьями в коридоре университета; ужинать с родственниками в праздничный день; пытаться вести беседу с хорошим человеком, у которого голова забита тем, что он видел по телевизору, или с которым мы не совпадаем во взглядах; присутствовать на важной деловой встрече или, как обычно, пойти за покупками, к нотариусу или фотографу за фотографией на визу, — как вдруг внезапно мои веки тяжелеют и я засыпаю среди дня. Когда я далеко от дома, когда я не могу вернуться к себе в комнату и остаться один, моим единственным утешением становится сон среди дня.

Да, наверное, моей главной потребностью является не литература, а уединение в комнате, где я предаюсь мечтам. Когда я один, все эти собрания, семейные и университетские встречи или праздничные ужины, как и присутствующие на них люди, кажутся мне очень приятными. Я дополняю эти праздничные ужины воображаемыми деталями, а людей делаю еще более забавными. В моих мечтах, конечно же, все становится интересным, чарующим, настоящим. Из этого хорошо знакомого мира я создаю новый мир. Теперь мы дошли до самого главного. Для того чтобы хорошо поработать, мне нужно сильно заскучать; а чтобы сильно заскучать, мне нужно оказаться там, где жизнь бьет ключом. Именно там, среди шума и гама, где-нибудь в офисе, где звонит куча телефонов, или на солнечном морском берегу в окружении родных и близких, или на похоронах в дождливую погоду, то есть тогда, когда я вот-вот начну ощущать себя в самой гуще событий, я внезапно начинаю чувствовать, что на самом деле я больше не участвую в происходящем, а смотрю на все со стороны. Я начинаю мечтать. Если у меня плохое настроение, я думаю только о том, как мне скучно. А если нет,

то внутренний голос велит мне вернуться в комнату и сесть за стол. Не знаю, как в таком случае ведут себя другие, но такие, как я, только так и становятся писателями. И мне кажется, что в этом случае обычно создается проза, роман, а не поэзия. Таким образом мы узнаем еще кое-что о свойствах лекарства, которое мне нужно обязательно принимать каждый день. Теперь понятно, что его активными компонентами являются скука, обычная жизнь и сила воображения.

Удовольствие, которое я получаю от этого признания, и страх, который я ощущаю, когда честно рассказываю о себе, ведут меня к пониманию весьма серьезного и важного момента, о котором мне хочется рассказать. Я предлагаю крайне простую теорию процесса написания книги, который начинается с того, что на первом этапе работа является утешением и даже лекарством, по крайней мере для таких писателей, как я: мы выбираем темы и формы своих романов сообразно нашей повседневной потребности мечтать. На создание романа влияют мысли, страсти, гнев, желания, мы все об этом знаем. Радовать наших возлюбленных, унижать наших врагов, хвалить то, чем мы восхищаемся, разговаривать о том, что мы любим, с удовольствием рассуждать о том, чего совершенно не знаем, с наслаждением вспоминать о чем-то либо не вспоминать вообще, желать быть любимым, желать, чтобы тебя читали, интересоваться политикой, желать удовлетворить чьи-то потребности, личные пагубные страсти — эти и множество других неясных, абсурдных желаний тайно или явно направляют нас... Те же самые желания оказывают влияние и на наши мечты, о которых мы хотим говорить. Мы можем точно не знать, откуда появились наши желания и что означают наши мечты, но, когда мы начинаем писать, мы хотим, чтобы они направляли нас, подталкивали, словно неизвестно откуда задувший ветер. Можно даже сказать, что мы подчиняемся воле этих темных сил. Мы походим на капитана корабля, который не знает, куда плыть... Но краешком сознания мы все-таки понимаем, в каком месте мы находимся и куда хотим доплыть. Даже

тогда, когда я полностью подчиняюсь воле ветра, я, по сравнению с другими писателями, которых я знаю и которыми восхищаюсь, примерно помню свое основное направление и предполагаю, куда я иду. Перед тем как отправиться в путь, я составляю план: делю рассказ, который собираюсь написать, на части, в зависимости от того, в какие порты предстоит зайти моему кораблю, какие грузы загрузить, а какие — выгрузить и сколько приблизительно времени займет мое путешествие, и отмечаю все это у себя на карте. Но если все-таки мой парус раздувается порывом ветра и решает изменить направление рассказа, я не противлюсь этому. На самом деле кораблю необходимы полнота и целостность, когда он идет под раздутыми парусами. Словно я ищу некое особое место и время, где одно перетекает в другое, где все связано между собой, где все знает обо всем. Между тем ветер потихоньку успокаивается, и я замечаю, что застыл там, где царит полный штиль. И все же я чувствую, что и в этих спокойных водах, покрытых туманом, скрывается нечто, что поможет моему роману медленно плыть вперед... Я больше всего хочу, чтобы поэтическое вдохновение, о котором я рассказывал в романе «Снег», посетило и меня. Это разновидность вдохновения, о котором писал Колридж, пережив его во время создания поэмы «Кубла Хан»... Я страстно желаю, чтобы меня посетило такое же вдохновение (так Колриджу пришла его поэма, а герою романа «Снег» Ка — его стихи), яркое и впечатляющее, желательно уже в виде готовых сцен и ситуаций, которые сразу можно поместить в роман. Если я терпеливо и внимательно жду, то мое желание сбывается. Писать книгу — значит быть открытым этим желаниям, ветрам, порывам вдохновения, темным уголкам сознания и минутам туманной неясности и застоя.

А роман — это история, что идет под парусом, наполненным этими ветрами; она отражает различные формы вдохновения и объединяет общим смыслом то, что мы воображаем и создаем в своем сознании. Но прежде всего роман — это сосуд, заключающий в себе полный жизни

воображаемый мир, туда мы хотим иметь возможность попасть в любой момент. Романы состоят из фрагментов наших фантазий, которые помогают нам оказаться в мире книги и как можно быстрее забыть о скучном реальном мире. Чем больше мы пишем, тем богаче становятся эти фантазии, тем просторнее, совершеннее, насыщеннее и прекраснее становится этот воображаемый мир. Мы познаем этот мир, пока пишем, и чем лучше мы его узнаем, тем проще сохранить его в своем сознании. Если я нахожусь на середине романа и работается легко, я с легкостью вхожу в его мир фантазий. Ведь романы — это новые миры, куда мы входим, когда читаем их, и, наверное, существуем, когда их пишем: писатель придает книгам форму, он хочет, чтобы они выражали фантазии, его фантазии. Внимательному читателю они дарят счастье, хорошему писателю они дарят надежный, прочный новый мир, укрывшись в котором он будет счастлив в любой час дня. Если я подхожу к рабочему столу, на котором лежат мои тетради и ручка, и чувствую, что могу создать хотя бы маленькую часть того чудесного мира, я счастлив. Я мгновенно выхожу из привычного, банального мира и оказываюсь в другом — просторном и свободном, и обычно мне не хочется ни возвращаться в реальную жизнь, ни завершать роман, поскольку это будет означать, что я прекращаю созидать мир, который с каждой минутой становится все многограннее. Мои чувства похожи на просьбы некоторых читателей, которые говорят мне: «Пожалуйста, пусть новый роман будет подлиннее!» Я горжусь, что слышу эти слова в тысячи раз чаще, чем вечные слова издателей: «Пожалуйста, пишите покороче!»

Как получается, что привычка, прихоть одного человека рождает то, что вызывает интерес у других людей? Те, кто читал «Имя мне — Красный», помнят, что в конце романа Шекюре говорит о том, что тот, кто пытается все объяснить, является глупцом. Я в данной ситуации разделяю мнение Шекюре, а не моего тезки, маленького героя по имени Орхан, над которым подсмеивается его мать. Но, если позволите, я все же совершу глупость, поведу себя как

Орхан и попытаюсь объяснить, почему фантазии, что служат лекарством писателю, могут лечить и других людей: потому что если я целиком погрузился в свой роман и работа идет хорошо — если я сумел отгородиться от телефонных звонков, вопросов, требований и проблем повседневности, — то правила, по которым существует мой рай, где я пребываю со своей книгой и где можно свободно парить в воздухе, напоминают мне правила игр моего детства. Все становится проще, я словно нахожусь в мире, где могу заглянуть в каждый дом, машину, корабль, — все сделано из стекла; все предметы посвящают меня в свои тайны. Единственное, что мне остается делать, — предугадывать эти правила и слушать; с удовольствием наблюдать за тем, что происходит внутри домов; ездить на автобусах и машинах с моими героями и гулять по Стамбулу; а если мне вдруг становится скучно — смотреть на увиденное по-новому, меняя его; все, что мне остается делать, — быть счастливым, не заботясь ни о чем, ведь, пока я веселюсь как ребенок, я узнаю что-то новое.

Основное преимущество работы писателя, если он одарен воображением, заключается в умении, как ребенок, отвлекаться от мира и забывать о нем, и, радуясь всем сердцем, забывать об ответственности; в умении играть, словно игрушками, правилами обычного мира и, ощущая наивную радость и свободный полет воображения, все-таки испытывать чувство ответственности — ведь через некоторое время в этом мире окажутся читатели. Писатель может играть весь день, но в глубине души он понимает, что должен быть серьезнее всех. Именно ему дано видеть суть вещей так, как видят только дети. И, устанавливая правила своей игры, он чувствует, что читатели тоже поддадутся притяжению его правил, языка, предложений, притяжению рассказа и последуют за ним. Быть писателем — это значит заставить сказать читателя: «Я тоже хотел сказать именно это, но не мог бы выразить так просто».

Этот мир я открываю, создаю и делаю ярче, ожидая, пока неизвестный ветер наполнит мои паруса, и фантазирую, глядя на карту, но иногда детское простодушие это-

го мира оказывается недоступным для меня. Такое случается с каждым писателем. Иногда я застаю на каком-либо эпизоде или мне хочется вернуться к какому-нибудь фрагменту романа, но я чувствую, что не могу этого сделать. Подобные ситуации случаются часто, но я, наверное, страдаю от них немного меньше, чем другие писатели, — если я не могу продолжить с того места, где остановился, то я могу всегда повернуть в обратном направлении, попасть в роман другим путем и продолжить его с другой главы: ведь я внимательно смотрю на свою карту. Это не так важно. Однако прошлой осенью, когда я был занят решением некоторых проблем политического характера, я вновь пережил трудные минуты, я понял, что не могу продолжать писать, и я почувствовал, что обнаружил нечто, что тоже имеет отношение и к написанию романа. Пытаюсь объяснить.

Судебное дело, открытое против меня, и политическая ситуация, в которой я оказался, сделали меня более «политически активным», «серьезным» и «ответственным», чем я есть. Позвольте, я вспомню об этом с улыбкой — плачевное положение дел и еще более плачевное душевное состояние, поэтому я не мог ощутить в себе детское простодушие, необходимое для работы... Все было понятно, я не очень удивлялся. Когда все пройдет, говорил я себе, я вновь обрету мимолетное чувство «беззаботности», детскую способность играть и способность по-детски смеяться и закончу роман, над которым работаю уже три года. И тем не менее я каждое утро, до того как проснутся десять миллионов жителей Стамбула, садился за стол и в безмолвии сменяющейся утром ночи пытался вновь войти в недописанный роман. Я предпринимал над собой усилия, я старался войти в тот прекрасный мир, который я так любил. В результате мне удавалось извлечь из своего сознания куски романа и увидеть их... Но то был не роман, над которым я работал; то были сцены совсем другой истории. В эти тоскливые, безрадостные дни меня каждое утро все чаще посещали сцены, предложения, герои и странные детали какой-то совершенно другой книги...

Вскоре я начал записывать отрывки этого нового романа в тетрадь и замечать детали, которых не замечал раньше. Этот роман должен был рассказать о картинах уже умершего современного художника. Так как я представлял себе этого художника, то воображал и написанные им картины. Через некоторое время я понял, почему не мог вернуться к детскому ощущению беззаботности в те печальные дни. Я не мог вспомнить ощущения ребенка, я мог вспомнить лишь свое детство, те дни, когда я мечтал быть художником (о чем я рассказывал в своей книге «Стамбул») и все время рисовал.

Потом судебное разбирательство против меня прекратилось, и я вернулся к роману под названием «Музей невинности», над которым работал уже три года. И все-таки сейчас я планирую когда-нибудь написать тот роман, который сцена за сценой являлся мне. Этот опыт показал мне, какую роль играют некоторые моменты духовного бытия в загадочном искусстве написания романа.

Я сумею объяснить это, употребив понятие «предполагаемый читатель», появившееся благодаря гению великого литературного критика и литературоведа Вольфгана Изера, слегка изменив его сообразно моим целям. Изер разработал блестящую теорию, касающуюся читателя. Он сказал, что смысл романа, который мы читаем, заключается не в самом тексте и не в среде написания, а в некоем промежуточном измерении. Согласно Изеру, смысл книги возникает тогда, когда ее читают, и, говоря о «предполагаемом читателе», он приписывает именно ему эту важную функцию.

Когда я воображал сцены, предложения и подробности совершенно другой книги — вместо той, над которой я хотел продолжать работать, я вспомнил именно об этой теории и подумал, что у каждой еще не написанной, но уже придуманной и запланированной книги (включая и мою недописанную книгу) должен быть предполагаемый автор. Итак, я сумел бы закончить книгу только тогда, когда сумел бы стать предполагаемым автором! Но в то вре-

мя, когда я был занят решением политических проблем и бытовых ситуаций, я не мог стать писателем, которого подразумевала придуманная мною книга. И в те полные хлопот, печальные дни, когда шло судебное разбирательство, я тоже не мог стать писателем, которого подразумевала книга, которую я очень хотел написать. Потом все закончилось, я вернулся к своему роману — любовной истории, действие которой происходит между 1975 годом и нашим временем, произошедшей в состоятельной стамбульской семье, или, как выражаются газеты, «в семье из высшего света Стамбула», — и к прежнему состоянию, которое так жаждал вновь обрести. Когда я думаю о том, что скоро закончу этот роман, я чувствую себя счастливым. Но, пережив столь важный опыт, я понял, что на самом деле все эти тридцать лет посвящал себя тому, чтобы быть предполагаемым автором книг, которые я желал написать. Возможно, в моем случае это особенно важно, так как я всегда хотел писать толстые, серьезные, претенциозные книги и так как пишу я медленно. Представить себе книгу нетрудно. Я часто это делаю, так же как и часто воображаю себя другим человеком. Трудно стать предполагаемым автором книги, которую вы вообразили.

Но я не хочу жаловаться. Раз я уже написал и издал семь романов, хотя для этого и потребовались некоторые усилия, я готов с уверенностью заявить, что могу стать автором книг моей мечты. Подобно тому как я оставил в прошлом уже написанные мной книги, так я оставил позади и призраки авторов, которые могли бы их написать. Все семь «предполагаемых авторов», так похожих на меня, за тридцать лет познали, как выглядят мир и жизнь, когда смотришь на них из Стамбула, из окна, похожего на мое, они знают этот мир изнутри, верят в него и могут рассказывать о нем с детской серьезностью и ответственностью.

Я очень надеюсь, что смогу писать романы еще тридцать лет и под этим предлогом сумею прожить другие жизни под масками других людей.

Глава 2

МОЙ ОТЕЦ

В тот вечер я пришел домой поздно. Мне сказали, что отец умер. Когда прошла первая волна боли, я мысленно увидел его таким, как помнил с детства, каким я видел его дома: тонкие ноги в коротких шортах.

В два часа ночи я пришел к нему домой, чтобы повидать его в последний раз. «Там, в комнате», — указали мне, я пошел туда. Позднее, под утро, когда я возвращался домой по проспекту Валиконага, улицы квартала Нишанташи, где я живу уже пятьдесят лет, были пустыми и холодными, а огни витрин — далекими и чужими.

Утром, невыспавшийся, я разговаривал по телефону, принимал посетителей, решал организационные и бюрократические вопросы и, пока получал записки, просьбы, поручения, решал мелкие споры и писал некролог, кажется, понял, почему всегда похороны внезапно становятся важнее самого факта смерти.

Под вечер мы поехали на кладбище Эдирнекапы, чтобы выполнить необходимые формальности, подготовить могилу. Мой старший и двоюродный братья ушли в маленькое здание дирекции кладбища, и мы остались сидеть вдвоем с водителем на передних сиденьях. Тогда водитель сказал, что он меня узнал.

— У меня отец умер, — сказал я ему.

И совершенно неожиданно, к своему удивлению, начал рассказывать ему об отце. Я говорил, что он был очень хорошим человеком и, что еще важнее, что я его очень любил. Солнце уже почти село. На кладбище было пусто и тихо. Бетонные городские дома, возвышающиеся за ним, утратили свой обычный унылый вид и излучали странный свет. Пока я рассказывал, бесшумный холодный ветер медленно раскачивал кладбищенские кипарисы и чинары — их вид поразил меня, они напоминали тонкие ноги отца.

Когда стало понятно, что придется долго ждать, водитель, сказавший, что он мой тезка, два раза сочувственно

хлопнул меня по спине и уехал. То, о чем я рассказывал ему, я не рассказывал больше никому. Но неделю спустя то, что давило на меня изнутри, слилось с воспоминаниями и грустью. Если бы я не выразил это словами, чувство, возможно, усилилось бы, сделав мне гораздо большее.

То, что я говорил водителю, моему тезке, что «отец даже ни разу сердито не посмотрел на меня, ни разу не отругал меня, ни разу не ударил», я говорил из эгоизма, думая о себе. Я забыл сказать о его потрясающей доброте. Он с искренним восхищением смотрел на каждый сделанный мной в детстве рисунок; любой написанный мной фрагмент он изучал, как шедевр, и искренне смеялся моим самым плоским и пресным шуткам. Если бы не уверенность, которую он вселил в меня, мне было бы гораздо сложнее стать писателем и сделать это делом своей жизни. Его вера в нас и то, с какой легкостью отец внушил мне и брату, что мы выдающиеся и исключительные, шли от его искреннего восхищения собой и уверенности в себе. И он искренне и по-детски верил, что и мы должны быть такими же блестящими, талантливыми и сообразительными, как он, просто потому, что мы его сыновья.

Да, он был способным: он мог мгновенно запомнить и прочесть наизусть стихотворение из Дженаба Шахабеддина, высчитать число «пи» до пятнадцатого разряда или блестяще предсказать, чем закончится фильм, который мы смотрели вместе. А еще ему нравилось рассказывать истории о своей сообразительности. Он любил вспоминать один случай: когда он учился в средней школе и все еще ходил в коротких штанишках, учитель по математике посреди занятий пригласил его на урок в самый старший класс лицея и похвалил его, сказав: «Молодец!» — после того как маленький Гюндюз решил на доске задачу, которую не могли решить его старшие соученики, а он потом повернулся к остальным и сказал: «Вот вам!» Его сообразительность порождала во мне какую-то застенчивость, я ощущал нечто среднее между завистью и желанием быть таким, как он.

Могу сказать то же и о его привлекательной внешности. Все говорили, что я похож на него, но он был мно-

го красивее меня. Как и наследство, доставшееся ему от отца (моего деда), которое он, несмотря на многочисленные банкротства, все никак не мог потратить, его привлекательность тоже сделала его жизнь легкой и веселой, и даже в самые тяжелые дни его никогда не покидали простодушный оптимизм, невероятная уверенность в себе и доброта, отличавшие его от окружающих. Жизнь для него была не соревнованием, а удовольствием. Он воспринимал мир не как поле боя, а как площадку для игр и развлечений, и с возрастом он стал слегка грустить из-за того, что его состояние, умственные способности и привлекательность, которыми он вволю наслаждался в молодости, не принесли столько славы и власти, сколько ему хотелось. Но, как и все остальное, это тоже не слишком огорчало его. Он мог совершенно спокойно отрешиться от проблемы, так же просто и бездумно, как ребенок, избавиться от причинявших ему боль людей и неприятностей. И хотя его жизнь после тридцати лет стала либо повторением пройденного, либо движением назад, я не слышал, чтобы он много жаловался. Однажды, уже будучи пожилым человеком, отец обедал с одним известным критиком, который, когда мы с ним встретились позже, с легким негодованием сказал мне: «У твоего отца нет никаких комплексов!»

Его оптимизм и веселый нрав, делавшие его похожим на Питера Пэна, удерживали его от злобы и страстей. Он не стал выдающимся литератором, хотя некогда очень много читал, мечтал стать поэтом, перевел немало стихотворений французского поэта Поля Валери, и я объясняю это тем, что он был слишком спокойным и слишком уверенным в своем будущем, чтобы не поддаваться страстям литературного творчества. У него была хорошая библиотека, и ему нравилось, что в годы отрочества я безжалостно разграблял ее. Но он читал книги не так, как я, — жадно, с головокружением, он читал ради удовольствия, чтобы отвлечься, и большую часть книг бросал недочитанными. В то время как другие отцы рассказывали своим сыновьям о великих религиозных или военных деятелях,

он рассказывал о том, как гулял по улицам Парижа и видел Сартра или Камю (более близкий ему писатель), и его рассказы производили огромное впечатление на меня. Спустя много лет Эрдал Инёню (друг детства, однокурсник отца по Стамбульскому техническому университету, сын второго президента Турции, Исмета Инёню, ставшего преемником Ататюрка) однажды, на открытии какой-то выставки, рассказал мне с улыбкой об одном ужине в президентском особняке в Анкаре, на котором присутствовал мой отец, которому тогда было двадцать лет. Когда Исмет-паша заговорил о литературе, отец спросил: «Почему у нас нет всемирно известных писателей?» Десять лет спустя после того, как начали издавать мои книги, отец, слегка смущаясь, отдал мне маленький чемодан. Я очень хорошо знаю, почему мне было не по себе читать тетради, стихотворения, литературные опыты и записки, которые я обнаружил там: все мы хотим, чтобы наш отец был не таким, какой он есть на самом деле, а таким, каким мы хотим его видеть.

Я очень любил, когда он водил меня в кино и потом слушал, как я обсуждаю увиденный нами фильм с кем-то другим; я любил его шутки о глупых, злых и бездушных людях; его разговоры о новом сорте фруктов, о городе, в котором он побывал, о последних новостях, о какой-нибудь книге; но больше всего я любил, когда он гладил и ласкал меня. Мне очень нравилось, когда он катал меня на машине, потому что это означало, что я на некоторое время не потеряю его. Я любил эти автомобильные прогулки, потому что, когда он вел машину, он мог свободно говорить со мной на самые щепетильные, трудные и тонкие темы, и мы не смотрели друг другу в глаза. Через некоторое время он начинал шутить, а потом, поймав какую-нибудь радиостанцию, начинал говорить о музыке, которую передавали.

Но больше всего я любил быть рядом с ним и дотрагиваться до него, находиться недалеко от него. Когда я учился в лицее и на первых курсах университета, я проживал самые печальные, «кризисные» годы моей жизни, но

мне всегда, несмотря на уныние, очень хотелось, чтобы он пришел к нам с мамой домой и что-нибудь рассказал, повеселил нас. Когда я был маленьким, я любил забираться к нему на руки или лежать рядом с ним, вдыхая его неповторимый запах и дотрагиваясь до него. Помню, как он учил меня, совсем еще маленького, плавать на Хейбели-ада: когда я начинал тонуть, отчаянно бултыхаясь, он подхватывал меня, и я чувствовал себя счастливым не только потому, что опять дышу, а потому, что крепко цеплялся за него и, боясь, что опять начну тонуть, кричал: «Папа, не отпускай меня!»

Но он нас бросал. Он уезжал куда-то далеко, в другие страны, в другие, неизвестные нам края. Когда он читал, лежа на диване, я видел по его глазам, что его мысли где-то далеко. И тогда я чувствовал, что в человеке, которого я знал как своего отца, живет совершенно другой мир, куда мне не попасть, и я беспокоился, предполагая, что отец мечтает о другой жизни. Иногда он говорил: «Я чувствую себя напрасно выпущенной пулей». Почему-то я сердился на него за эти слова. И на многое другое сердился. Кто из нас был прав, я не знаю. Может быть, к тому времени я тоже уже хотел убежать в другие края. И все-таки я любил смотреть, как он дирижирует воображаемой палочкой воображаемым оркестром, включив запись Первой симфонии Брамса. Меня раздражало, что он ищет, на кого можно взвалить вину за то, что, прожив счастливую жизнь в поисках удовольствий или разумно стремясь убежать от проблем, он не получил от этих удовольствий ничего, кроме самих удовольствий. В двадцать лет я, бывало, говорил себе: «Пожалуйста, не становись таким, как он». А иногда я расстраивался, что не могу жить так же счастливо, спокойно, беззаботно и красиво, как он.

Годы спустя все это осталось в прошлом, зависть и гнев на отца, никогда не ругавшего и не обижавшего меня, забылись, и я вынужден был смириться с тем, что мы во многом схожи. Так что теперь, когда я ворчу или жалуюсь официанту, когда закусываю верхнюю губу или бросаю в угол недочитанные книги, когда целую мою дочь, выни-

маю деньги из кармана или весело с кем-то здороваюсь, я ловлю себя на том, что подражаю ему. И не потому, что мои руки, плечи, запястья или родинка у меня на спине похожи на его. Именно это сходство пугает меня, приводит в ужас и напоминает о том, как я страстно желал в детстве быть похожим на него. Смерть каждого мужчины начинается со смерти его отца.

Глава 3

ЗАПИСКИ О 29 АПРЕЛЯ 1994 ГОДА

Французский еженедельник «Ля Нувель Обсерватёр» попросил различных писателей рассказать, что они делали 29 апреля 1994 года, в каком бы уголке мира они ни находились. Я был в Стамбуле.

ТЕЛЕФОН. Вытащив, как всегда, телефонный шнур из розетки, я сел писать свой хороший или плохой роман и на мгновение представил, что именно сейчас мне кто-то звонит по очень важному, жизненно важному вопросу и не может дозвониться, но телефон в розетку не включил. Спустя какое-то время я включил телефон, несколько раз с кем-то поговорил, о чем тотчас забыл. Журналист из Германии, приехавший в Стамбул, хочет поговорить со мной об активности фундаменталистов в Турции и об успехах исламистской Партии благоденствия на выборах. Я переспросил, с какого он телевизионного канала. Он назвал мне какие-то буквы.

БУКВЫ, ЛОГОТИПЫ, ТОРГОВЫЕ МАРКИ. Меня опять атаковали буквы реклам джинсовых фирм и банков, которые я видел в газетах, по телевизору и на уличных вывесках. Я встретил на улице приятельницу, профессора университета, она вытащила из сумки списки с названиями фирм и марок, каждую из которых я вижу ежедневно. Ей сказали, что владельцы этих фирм поддерживают исламистскую Партию благоденствия. Она сообщила мне, что теперь многие люди решили перестать покупать печенье и йогурты этих марок и никогда больше не посещать

магазины и закусовые, указанные в списке. Как всегда, в лифте моего дома я начал от скуки смотреть не в зеркало, а на металлическую табличку: Wertheim. На калькуляторе «Casio» я выполнил простые математические расчеты, приведенные внизу этой таблички. На улице я увидел «плимут» 60-й модели и «шевроле» 1956 года, все еще использовавшиеся как такси.

УЛИЦЫ, ПРОСПЕКТЫ. Хотя из-за экономического кризиса турецкая валюта обесценилась за последние пару месяцев в два раза, на улицах и проспектах людей, как всегда, много. Мне стало интересно, куда все идут, а это, в свою очередь, напомнило мне о том, каким несерьезным занятием является литература: я увидел женщин с детьми, разглядывавших витрины, стайки хохочущих лицеистов, выстроившихся вдоль стены мечети торговцев контрабандными сигаретами, растворимым кофе, китайским фарфором, старыми любовными романами и зачитанными иностранными журналами мод; продавца огурцов с трехколесной телегой, забитые битком автобусы. Мужчины, столпившиеся у кафе напротив пунктов обмена валюты, сжимали сэндвичи, сигареты или полиэтиленовые пакеты, полные денег, следя по электронным табло за колебанием курса доллара. Мальчик-продавец из какого-то магазина разгружал контейнер с бутылками воды, таская их на спине. Я еще раз увидел сумасшедшего, недавно поселившегося в нашем квартале, и заметил, что он единственный в толпе, кто не несет полиэтиленовый мешок. В руках у него был настоящий автомобильный руль, и он крутил его вправо и влево, проходя через толпу. В полдень я, выпив апельсиновый сок, возвращался в маленькую квартиру, где я работаю, и увидел в толпе, расхолившейся с пятничного намаза, старого приятеля, с которым мы немного поболтали и пошутили.

ШУТКИ, СМЕХ, СЧАСТЬЕ. Мы с другом-художником смеялись над некоторыми знакомыми богачами, вложившими средства в обанкротившийся две недели назад банк и потерявшими все. Почему мы смеялись? Потому что оказалось, что они вовсе не такие ловкие и сообразительные,

как считалось. В тот вечер, довольно рано, еще один мой друг, переводчик, позвонил мне и позвал попить пива на улице перед пивными «в знак протеста» против мэра Стамбула из Партии благоденствия, и мы тоже с ним долго смеялись. Так как новый мэр приказал убрать с улиц столики и терроризировал всячески пивные, сотни интеллигентов собирались выйти на улицы и напиться там до потери сознания. Раньше те, кто был близок к политике, весьма скептически относились к алкоголю, но сейчас выпивка, похоже, стала символом зрелых политических реакций. Когда я приласкал перед сном мою двухлетнюю дочь Рююю, она засмеялась, и я смеялся вместе с ней. Может быть, мы оба смеялись не потому, что были счастливы, а потому, что мечтали послушать тишину, — именно об этом мечтаешь в Стамбуле, где днем никогда не смолкает шум.

СТАМБУЛЬСКИЙ ШУМ. Даже если я почти не обращаю на него внимания в минуты глубокого одиночества, я слышу этот шум весь день — как и остальные десять миллионов стамбульцев: сигналы автомобилей, рычание автобусов, треск моторов, стук строек, крики детей, вопли громкоговорителей на машинах и минаретах, гудки кораблей, сирены полицейских машин и «скорой помощи», повсюду музыка из магнитофонов, хлопающие двери, поднимающиеся с металлическим лязгом ставни витрин, телефоны, дверные звонки, ссоры автомобилистов на улицах, свистки полицейских, школьные автобусы... Под вечер, незадолго до наступления темноты, как обычно, ненадолго наступило затишье, и в саду, над кипарисами и шелковицами, куда выходят окна дальних комнат моей рабочей квартиры, пролетели стаи отчаянно щебетавших ласточек. Из-за стола, где я сидел, я видел в окнах мерцающий отсвет телевизоров и ламп.

ТЕЛЕВИЗОР. Искусственные, неестественные цвета, светившиеся в окнах, постоянно менялись, и я понял, что многие люди, как и я, смотрят после ужина телевизор, переключаясь с канала на канал: крашенная блондинка-певица пела турецкую песню, мальчик из рекламы ел шоко-

ладку, женщина премьер-министр говорила, что все идет к лучшему, на зеленом поле гонялись футболисты, пела какая-то турецкая поп-группа, журналисты обсуждали курдский вопрос, мельтешили машины американских полицейских, мальчик читал Коран, вертолет, охваченный огнем, взрывался в воздухе, какой-то человек со шляпой в руках под аплодисменты появлялся на сцене; снова женщина премьер-министр, домохозяйка сбивчиво рассказывает в микрофон о порошке, развешивая белье, слушатели хлопают женщине, правильно ответившей на вопрос в интеллектуальной викторине... В какой-то момент я посмотрел в окно и заметил, что, кажется, весь Стамбул смотрит на эти сценки в ночи, кроме пассажиров идущих по Босфору теплоходов, огни которых виднелись вдалеке.

НОЧЬ. Шум города изменился, он превратился в глухой гул, сонное бормотание. Поздно вечером я возвращался к себе в рабочую квартиру, полагая, что, может быть, смогу еще немного поработать, и увидел бродивших по пустым улицам четырех собак, сбившихся в стаю. В кофейне на цокольном этаже еще сидели припозднившиеся посетители — смотрели телевизор и играли в карты. Я увидел семью: было ясно, что они возвращаются из гостей, наверное от родственников, — отец нес уснувшего маленького мальчика, рядом шла беременная мать; они прошли мимо меня молча и торопливо, будто что-то их напугало. Среди ночи, после того как я сел работать, внезапно зазвонил телефон, и я испугался.

СТРАХ, ПАРАНОЙЯ, ФАНТАЗИИ. Это был какой-то сумасшедший, который звонил мне каждую ночь и молчал в трубку. Я вытащил телефонную вилку из розетки и долго работал, но краешком сознания понимал, что в глубине души паникую и предчувствую какую-то беду: может, люди опять станут убивать друг друга на улицах или начнется гражданская война, а может, предстоящее лето будет невероятно засушливым, как обещают газеты, или, наконец, в Стамбуле случится сильное землетрясение, которого все ждут уже много лет, и Стамбул исчезнет с лица земли. После полуночи, когда все телевизоры наконец

были выключены и огни почти всех домов погасли, по улице с грохотом проехал мусоровоз. Как обычно, перед грузовиком быстро и решительно шагал человек, обыскивавший уличные мусорные бачки, и, торопливо выбрав из них бутылки, которые можно сдать, жестяные банки и бумагу, бросал их к себе в мешок. После этого по пустой улице, где я живу уже сорок лет, с бряцаньем проехала тележка старьевщика, груженная стиральной машиной и старыми газетами. Я сел за стол и вытащил калькулятор.

ИТОГ. Я выполнил простые подсчеты: умножил дни года на количество прожитых лет. Если полученная цифра верна, я прожил ровно 15 300 дней. Прежде чем лечь спать, я подумал, что буду считать себя везучим человеком, если проживу еще столько же.

Глава 4 ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

В 1996—1998 годах в Стамбуле выходил тонкий политико-юмористический журнал под названием «Окюз» («Бык»), и я каждую неделю писал для него короткие лирические статьи и иллюстрировал их в стиле этого журнала.

Я не люблю послеобеденное время весной. То, как выглядит город, как бьет в глаза солнце, не люблю толпы людей, витрины, жару. Мне хочется сбежать от жары и света. Из высоких дверей каменных и бетонных жилых домов струится прохлада. В домах прохладнее, чем на улице, и, естественно, темнее. Там задержались зимний холод и сумрак.

Если бы можно было войти в один из этих домов и вернуться назад, в зиму. Если бы у меня был ключ в кармане, я открыл бы знакомую дверь и, вдыхая привычный запах прохладной полутемной квартиры, прошел бы в дальнюю комнату, радуясь, что избавился от солнца и скучной толпы.

В дальней комнате стояли бы кровать, комод с газетами — чтобы полистать, — книгами и любимыми жур-

налами, а еще телевизор. Я бы бросился на кровать прямо в одежде и был доволен, что остался наедине со своей убогой жизнью, со своими страданиями, отчаянием. Нет большего счастья, чем остаться наедине с собственной грязью и убожеством. И нет большего счастья, чем не показываться никому на глаза.

Ладно была бы еще девушка: нежная и мягкая, как мать, умная и опытная, как деловая женщина. Она бы очень хорошо знала, что мне нужно делать, и я бы доверял ей.

Она бы спросила:

— Что тебя беспокоит?

— Ты же знаешь, — ответил бы я. — Эти весенние дни...

— Тебе просто скучно...

— Это хуже, чем скука. Я хочу исчезнуть. Мне все равно, буду я жить или нет. Или пусть мир исчезнет. И как можно скорее, будет лучше. Если бы мне пришлось остаться в этой прохладной комнате на несколько лет, то я бы остался. Я бы мог курить. Я бы ничего не делал, только курил долгие годы.

Но я перестаю слышать этот голос внутри себя. Самый трудный момент. Я остаюсь один на многолюдных улицах.

Я не знаю, случается ли такое с другими, но иногда весной, после полудня, мир словно тяжелеет. Все превращается в камень, становится бессмысленным, и, покрываясь потом, я недоумеваю, почему другие продолжают жить обычной жизнью.

Они шагают по улице, глядя в витрины, рассматривают меня из окон автобусов. А автобус выпускает мне в лицо выхлопные газы. Они тоже горячие. Я убегаю.

Я вошел в какой-то торговый центр. Внутри прохладно и темно; я успокоился. Люди здесь, кажется, поспокойнее, их легче понять. Но все-таки у меня нехорошие предчувствия. Шагая в кинотеатр, я смотрю на витрины.

Раньше в хот-доги и в пирожки с сосисками, то есть в самую сосиску, добавляли собачье мясо. Не знаю, добавляют сейчас или нет.

В газетах писали, что поймали людей, делавших лимонад в ведрах, в которых они моют ноги.

Они живут здесь, видят друг друга, любят, а потом женятся на девушках, выкрасивших волосы в мерзкий белый цвет.

Бумажные деньги в наших карманах раскисли от влаги.

Мне бы сейчас пошел на пользу какой-нибудь американский фильм: парень с девушкой от кого-то убегают в другую страну. Они любят друг друга, но все время ссорятся, и эти ссоры делают их еще ближе. Мне нужно сидеть в кинотеатре в первом ряду. А фильм должен быть таким, чтобы были видны поры на коже девушки; и она, и фильм, и машины из фильма должны выглядеть более реальными, чем жизнь вокруг. Потом они начнут убивать людей, а я буду сидеть и смотреть.

Глава 5

ВЕЧЕРОМ, КОГДА СМЕРТЕЛЬНО УСТАНЕШЬ

Вечером я, смертельно усталый, иду домой. Гляжу перед собой, на дорогу, на тротуар. Я злой, обиженный, сердитый. Хотя воображение продолжает работать, созданные им образы проносятся в моем сознании, словно мелькающие кадры киноленты. Время проходит. Ничего нет. Уже настала ночь. Гибель и поражение. Что на ужин?..

На столе горит лампа, рядом с ней стоят тарелка с салатом и все та же корзинка с хлебом; скатерть в клетку. А еще?.. Тарелка! Еще?.. Тарелка и фасоль. Я воображаю фасоль, но этого недостаточно. На столе горит та же лампа. Может быть, немного йогурта? Может быть, немного жизни?

Что по телевизору? Нет, я не буду смотреть телевизор; разозлюсь еще больше. Я очень рассержен. Я и котлеты люблю — ну и где котлеты? Вся жизнь здесь, за этим столом.

Ангелы призывают меня к ответу.

Что ты делал сегодня, милый?

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ЖИЗНЬ И ЗАБОТЫ

Глава 1. Предполагаемый автор	8
Глава 2. Мой отец	19
Глава 3. Записки о 29 апреля 1994 года	24
Глава 4. Весенний день	28
Глава 5. Вечером, когда смертельно устанешь	30
Глава 6. Когда проснешься ночью, в тишине	31
Глава 7. Как вы можете спать — ведь вещи разговаривают!	33
Глава 8. С тех пор, как я бросил курить	35
Глава 9. Чайка под дождем	36
Глава 10. Чайка умирает на берегу	38
Глава 11. Быть счастливым	39
Глава 12. Мои часы	41
Глава 13. Я не пойду в школу	43
Глава 14. Мы с Рюйёй	46
Глава 15. Когда Рюйе грустно	47
Глава 16. Пейзаж	49
Глава 17. Что мне известно о собаках	51
Глава 18. О поэтическом правосудии	53
Глава 19. После бури	55
Глава 20. Здесь, давно	57
Глава 21. Дом одинокого человека	59
Глава 22. Парикмахеры	62
Глава 23. Пожары и развалины	67

Глава 24. Сандвич	71
Глава 25. Босфорские паромы	76
Глава 26. Острова	80
Глава 27. Землетрясение	84
Глава 28. Стамбульская боязнь землетрясения	94

КНИГИ И ЧТЕНИЕ

Глава 29. Как я избавляюсь от некоторых книг	105
Глава 30. О чтении: слова или картинки	108
Глава 31. Радость чтения	110
Глава 32. Девять замечаний относительно книжных обложек	113
Глава 33. Читать или не читать: сказки «Тысячи и одной ночи»	114
Глава 34. У каждого должен быть такой дядя	119
Глава 35. Мания величия Виктора Гюго	132
Глава 36. «Записки из подполья» Достоевского: наслаждение от унижения	133
Глава 37. Зловещие «Бесы»	141
Глава 38. «Братья Карамазовы»	145
Глава 39. Жестокость, красота и время: «Ада» и «Лолита» Набокова	151
Глава 40. Альбер Камю	157
Глава 41. Перечитывая Томаса Бернхарда, когда взгрустнулось	160
Глава 42. Мир романов Томаса Бернхарда	162
Глава 43. Марио Варгас Льюса и литература стран третьего мира	166
Глава 44. Салман Рушди: «Сатанинские стихи» и свобода писателя	173

ПОЛИТИКА, ЕВРОПА И ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Глава 45. Речь, произнесенная на заседании Международного ПЕН-клуба, в качестве лекции для Фонда Артура Миллера	177
---	-----

Глава 46. Входа нет!	182
Глава 47. Где Европа?	186
Глава 48. Как стать жителем Средиземноморья: краткое руководство	190
Глава 49. Мой первый паспорт и путешествия в Европу	195
Глава 50. Публичный дневник Андре Жида: личное прочтение	203
Глава 51. Политика и семейные застолья	216
Глава 52. Злость униженных	221
Глава 53. Правила дорожного движения и законы шариата	225
Глава 54. В Карсе и Франкфурте: речь, произнесенная на вручении Премии мира Союзом немецких книготорговцев	229
Глава 55. В суде	242
Глава 56. Для кого вы пишете?	247

МОИ КНИГИ — МОЯ ЖИЗНЬ

Глава 57. Послесловие к роману «Белая крепость» ...	252
Глава 58. «Черная книга»: десять лет спустя	260
Глава 59. Фрагменты некоторых интервью о романе «Новая жизнь»	266
Глава 60. Фрагменты некоторых интервью о романе «Имя мне — Красный»	271
Глава 61. О романе «Имя мне — Красный»	283
Глава 62. Отрывки черновиков романа «Снег», написанные в Карсе	285

РИСУНКИ И ТЕКСТЫ

Глава 63. Изумление Ширин	294
Глава 64. В древнем как мир лесу	303
Глава 65. Нераскрытые убийства и детективные романы: колумнист Четин Алтан и шейх-уль-ислам Эбуссууд-эфенди	305
Глава 66. Антракт, или «О, Клеопатра!»	315

Глава 67. Почему я не стал архитектором	319
Глава 68. Мечеть Селимие	329
Глава 69. Беллини и Восток	331
Глава 70. Черное Перо	342
Глава 71. Смысл	349

ДРУГИЕ ГОРОДА, ДРУГИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Глава 72. Моя первая встреча с американцами	352
Глава 73. Взгляд из столицы мира: Нью-Йорк-1986 ..	355

ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ ЖУРНАЛА

«THE PARIS REVIEW»	380
--------------------------	-----

ВЗГЛЯД ИЗ ОКНА	403
----------------------	-----

ЧЕМОДАН МОЕГО ОТЦА	428
--------------------------	-----